

Станислав

— J E M

Станислав

ЖЕМ

Фантастика
и футурология
том II

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.162.1-312.9
ББК 84(4Пол)-44
Л44

Серия «Лем — собрание сочинений (Neo)»

Stanislaw Lem
FANTASTYKA I FUTUROLOGIA

Перевод с польского *Е. Вайсброта*

Компьютерный дизайн *В. Воронина*

Печатается с разрешения наследников Станислава Лема
и Агентства Andrew Nurnberg Associates International Ltd.

Лем, Станислав.

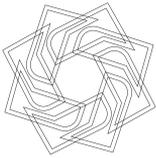
Л44 Фантастика и футурология : [В 2 т.] Т. 2 / Станислав Лем ;
[пер. с пол. Е. Вайсброта]. — Москва: Издательство АСТ,
2024. — 608 с. — (Лем — собрание сочинений (Neo)).

SBN 978-5-17-162467-5 (Т. 2)
SBN 978-5-17-160080-8 (общ.)

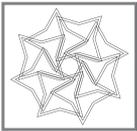
В этот двухтомник вошла уникальная по своему замыслу и объему монография, исследующая множество проблем, возникающих при соприкосновении фантастики — безграничной игры воображения и футурологии — науки, ответственной за каждый свой постулат.

УДК 821.162.1-312.9
ББК 84(4Пол)-44

© Stanislaw Lem, 1970
© Перевод. Е. Вайсброт, наследники, 2023
© Издание на русском языке AST Publishers, 2024

**ПРОБЛЕМНЫЕ
ПОЛЯ
ФАНТАСТИКИ**

I. Катастрофа

Обзор проблем Science Fiction мы начнем милым старосветским обычаем с конца света, отказавшись от своеобразного очарования, доставляемого структуралистским вскрытием литературы.

У *finis mundi*¹, призрака, маячившего перед глазами человечества, своя почтенная история. Его предрекали различнейшие религии в соответствии с догматикой Откровения, например в виде Страшного суда. Хотя интерес, проявляемый сейчас к двухтысячному году, не раскрашен катастрофизмом, однако в особом внимании к столь круглой дате можно обнаружить последние следы магии цифр, которая пленяла умы человека с пифагорейских времен и вызывала панику перед тысячным годом, когда Европа ожидала, что этой датой должна завершиться теперешняя история. Страхи метафизического характера сменились такими, которые мы организовали, так сказать, собственноручно, поскольку всеобщим достоянием народов стало осознание того факта, что по обеим сторонам океана имеются силы, способные испепелить планету в течение нескольких часов. При этом случилось так, что на первое место европейской, а стало быть, и всемирной истории перед самым открытием атомной энергии выдвинулся один из величайших безумцев, каких знала история — Гитлер. Поэтому утверждения мелиористов о якобы постоянно улучшающемся климате международных отношений дали трещину, когда оказалось, что между степенью технического развития цивилизации и уровнем ее гуманитарных свойств нет неперенной связи, то есть закона, в соответствии с которым наиболее могущественными становились бы

¹ Конец света (*лат.*).

только те, кто одновременно и этически стоял выше других. Беспкойство нынешнего рационалиста не следует из приверженности историософии, коя утверждает, что история время от времени должна поражать нас катаклизмами. Речь идет не о какой-либо внутренней исторической неизбежности, а лишь о том, что, если даже событие появляется в статистических сериях очень редко, то все равно можно дожидаться его повторения, лишь бы время ожидания было достаточно долгим. Нельзя считать проявлением фатума предположение, будто тот, кто однажды сломал себе ногу, съезжая с горы, возможно, там ее сломает снова. Полстолетия назад картина гибели мира, вызванной применением страшного оружия, была невероятной. Забытый, пожалуй, теперь писатель Болеслав Жарновецкий в созданном в двадцатые годы романе о 1975 году нарисовал всемирную войну, ведущуюся с помощью танков, орудий и бомбардировщиков, «фантастически» усовершенствованных так, чтобы стал, например, возможен артиллерийский обстрел целей, удаленных аж на двести километров от орудий новейшей конструкции. Ни Жарновецкий, да и вообще никто на свете не смог бы в то время понять словаря стратегии 1970 года. Он включает такие понятия, как «All-Out Strategic Exchange¹» — эвфемизм, означающий третью мировую войну, оценивающий «мегагибель» 120 миллионов людей в США и СССР, или «Blackout», что означает уже не затемнение, а ослепление радаров АВМ² (противоракетных ракет) благодаря специальному атомному взрыву; как ICM (Improved Capability Missile³), то есть новейший баллистический снаряд, способный к маневренному обходу направленных на него ракет противоракетной обороны; как MITRV (Multiple Individually Targeted Re-entry Vehicle⁴), то есть снаряд, выбрасывающий большое количество боеголовок одновременно, из которых каждая нацеливается на отдельно обнаруженный объект; как PENAIID (Penetration Aids⁵), то есть ложные устройства в виде снарядов-бутафорий, ослепляющих головок и т. п., что облегчает баллистическим ракетам проникновение сквозь оборону против-

¹ Полномасштабный обмен стратегическими ударами (англ.).

² Anti-Ballistic Missile — противоракетная ракета (англ.).

³ Ракета повышенной эффективности (англ.).

⁴ Разделяющаяся головная часть с индивидуальным наведением боевых элементов на цели (англ.).

⁵ Средство обеспечения прорыва (англ.).

ника; как WALORT (Weapons Allocation and Desired Ground-zero Optimizer¹), то есть компьютерные программы, рассчитывающие мегатоннаж, потребный для уничтожения стратегических целей при оптимальном использовании имеющейся в распоряжении мощности поражения, ибо, как сказал бы специалист, «третью мировую войну будут вести два борющихся суперкомпьютера».

Подобное положение воздействовало и на фантастику, поскольку благодаря ему она обрела новый, двусмысленный характер. Ей можно отказывать в серьезных художественных ценностях, но Science Fiction, пусть низкопробная, затрагивает эсхатологические проблемы, отнюдь не высосанные из пальца. Поэтому в определенном смысле она ближе к истине и как бы более реалистична, нежели проза типа «мифологического реализма», хотя и много выше оцениваемого критикой. Science Fiction фальшивыми тонами повествует о том, что по существу ложным уже быть не должно; отсюда ее двусмысленность, как аривиста², которым гнушаются, но который, тем не менее, со временем набирает силу, правда, не самым элегантным способом, ибо усердие, с коим она — фантастика — потчует нас концами света, немного отдает шантажом.

К сожалению, я не могу сказать, в какой степени Science Fiction выполнила трансмиссионную роль в послевоенные годы, популяризируя в форме конкретных образов те военные доктрины, которые одна за другой возникали в Пентагоне. Доктрин таких было множество, а их полный перечень содержится в ежегодниках журнала «Bulletin of the Atomic Scientist», отражающего также и конфликты, постоянно нарушавшие гармонию сотрудничества ученых, связанных с Atomic Energy Commission³, и военных. Особенно большую активность в первом послевоенном десятилетии ученые проявляли, предлагая различные глобальные решения атомной проблемы, хотя и тогда уже меж них не было недостатка в таких, которые любую мысль о политике разоружения считали утопической и одобряли концепцию продолжения усилий, направленных на создание бомб «третьего поколения», то есть водородных («второе поколение» — урановые бомбы с гораздо большей

¹ Блок оптимизации выделения ядерных боеприпасов с учетом намеченного эпицентра (*англ.*).

² Карьерист (устаревшее) — от arriviste (от arriver) — заработать (*франц.*).

³ Комиссия по атомной энергии (*англ.*).

разрушительной силой, нежели «примитивные» прототипы, испепелившие Хиросиму и Нагасаки). Ученые проявляли склонность к поискам крайних решений, как мирных, так и военных; например, Бете и Сцилард снискали известность опубликованной дискуссией круглого стола, в которой изложили план рассредоточения городских центров США как самый верный способ уменьшить количество жертв атомной войны, приведя ориентировочные цифры стоимости такого проекта. В то время — около 1951 года — эти расходы, исчисляемые примерно двадцатью миллиардами долларов ежегодно, еще казались фантастическими, и этот план никто всерьез не принимал. Впрочем, даже расположив двумя столбцами доктрины превентивной войны, планы обороны метрополии (Civil Defense) путем создания радарно-упредительной сети (Early Warning), и фантастические романы, иллюстрировавшие эти концепции, их не удалось бы свести в единую систему. Ибо Science Fiction нельзя считать однозначным выразителем споров тех лет между Пентагоном и научной средой. Следуя свойственной ей ориентации, она искала особо многообещающие в драматургическом и шокообразующем смысле концепции. Не ограничивалась она также иллюстрацией существующих стратегических представлений, ибо охотно соединяла реальное с фиктивным. То есть размещала штабы или ставки под землей или на борту огромных искусственных спутников, причем особенно ее привлекала тема случайно возникшей войны. Например, в результате ошибки (как в уже упоминавшейся новелле «Triggerman», где метеорит уничтожает Вашингтон, а военные вкупе с президентом, приняв это небесное тело за российскую ракету, требуют от генерала, которому доверена «красная кнопка», чтобы тот незамедлительно дал ход «процедуре возмездия», чего, однако, генерал не сделал), либо помешательства, кое якобы должно непременно случиться с человеком, бдящим «у кнопки», поскольку такова диспропорция между неустойчивостью разума и огромностью доверенной ему разрушительной силы. В немногочисленных, в общем-то, рассказах этого периода (пятидесятые годы) можно найти отражение реальных противоречий, которые «разобщили» Пентагон и ученых, вызвали взаимное раздражение и достигли высшей точки в годы маккартизма. Общественно-политический механизм, который, распорядясь бомбой, одновременно увеличивал ее мощь

и трансформировал систему обороны и нападения в масштабах Штатов, а также их баз во всем мире, фантастику в действительности никогда особо не интересовал. Поэтому то, какие группы лобби, образовавшиеся в капитале или Пентагоне, привели к модификации ведущей военной доктрины, ускользнуло от внимания Science Fiction. Типичные для этого периода фантастические произведения изображают скорее невозможные события (например, у У. Миллера-мл. в рассказе «Check and Checkmate»¹, когда выясняется, что не только все азиаты — пластиковые роботы, но благодаря серии хитрых «подстановок» и ведущие личности Америки тоже оказываются пластиковыми андроидами, так что, хоть ядерный арсенал США и не пострадал, тем не менее коварный Восток всех людей в Штатах изничтожил и подменил механическими оборотнями). Подобный мотив встречается и у А. Азимова (русские выкрадывают всех отдыхающих у них американских ученых и заменяют их идеальными андроидными копиями, причем каждая такая копия одновременно оказывается носителем атомной бомбы и по радиосигналу взрывается). Как видно из приведенных примеров, ненасытным фантастам явно мало опасности, реально нависшей над миром. В этой черте их творчества проявляется не столько демонизм, сколько, пожалуй, «развлекательное» отношение к ядерной опасности: они приветствовали бы ее как новую возможность для построения необычных и потрясающих историй. Впрочем, следует добавить, что не лишены черт фантазирования и совершенно внелитературные стратегические работы Германа Кана, придумавшего «машину Страшного суда», то есть такую бомбу, которую государство создает не для запуска ее на врагов, а для шантажа человечества возможностью глобального самоубийства. (В «On Termonuclear War»² Кан дал таким устройствам название «deterrent», то есть средство «устрашения».) Тексты «атомной» Science Fiction не предлагают вниманию читателя хода самой ядерной войны, во всяком случае, таковые редкость. Наибольшей популярностью у авторов скорее пользуется фаза, непосредственно предшествующая началу конфликта, а также следующая за ним. Впрочем, границу гетто Science Fiction пересекло немного таких произведений: к тем, с которыми (преимущественно вторично,

¹ «Шах и мат» (англ.).

² «О термоядерной войне» (англ.).

благодаря экранизации) ознакомилась широкая публика, относятся тексты, возникшие сравнительно поздно, в шестидесятые годы, такие, например, как «Доктор Стрейнджлав» П. Джорджа и более поздний роман того же автора «Красная тревога». Эти романы «реалистичны» в том смысле, что не постулируют ни существование «пластиковых оборотней», ни какой-либо вообще неизвестной и сенсационной военной техники, довольствуясь тем, чем человечество располагает реально. Для немногочисленных произведений, таких, как «На последнем берегу» Невила Шюта, мировая война, введущаяся с использованием всех средств ядерного поражения, представляется проблемой реальной, в то время как множество фантастических новелл и романов используют ее в качестве предлога для демонстрации поздних послевоенных форм экзистенции остатков человечества, например, повергнутых в «новое варварство» либо «новое Средневековье». Сама война, приведшая к подобному регрессу, в таких произведениях зачастую даже не упоминается: она — часть древнего, почти забытого прошлого. Но тогда катаклизм выполняет роль *deus ex machina*¹, что позволяет формировать социальные и бытовые отношения по возможности удивительным образом, не сдерживаясь никакими критериями правдоподобия. Хоть и нечетко, но все же произведения, сосредоточенные вокруг ядерной катастрофы, расслаиваются так, что «более реалистичные» можно отделить от произвольно нафантазированных. Ценность последних, как правило, сомнительна, ибо в них используются примитивные схемы, в соответствии с которыми человечество, «прореженное» войной, вынуждено почти один к одному повторять прежние фазы развития (то есть, например, феодализм, религиозный фанатизм средневекового типа и т. д.). Зачастую это просто примитивный исторический роман, «раскрашенный» под SF.

Произведений, рисующих водородный ад, разверстый взрывами бомб в сердце какой-либо метрополии, я не знаю вообще; ежели таковые имеются, то они просто не попали мне в руки. Местами действия, по понятным причинам, обычно бывают подземные штабы стратегов. В «Докторе Стрейнджлаве» Джордж с большим знанием предмета описывает жизнь такой Главной Квартиры. Впрочем, для **подобного типа** текстов характерно созна-

¹ Бог из машины (*лат.*).

тельное усилие придать изложению видимость репортерски точного отражения событий. Джордж приводит в своем романе, впоследствии экранизированном Кубриком, версию, в соответствии с которой война началась из-за того, что летевшие в сторону России бомбардировщики USAF¹ (из секции SAC²) уже невозможно было вернуть, когда они пересекли в полете критическую границу. Следовательно, перед нами один из многих текстов, повествующих, как война поглощает человечество в результате ошибки, дефекта либо недоразумения.

В следующем романе Джордж, возвратившись к теме, покрывшей его славой и ее материальными соответствиями, состряпал невероятно макиавеллиевскую с виду, но гораздо менее, нежели в «Докторе Стрейнджлаве», правдоподобную интригу. Здесь китайцы, стремясь спровоцировать атомное столкновение США и СССР, секретно перебрасывают в Штаты несколько бомб, размещенных так, чтобы, взорвавшись в час «ноль», они уничтожили Белый дом вкупе с президентом и «горячей линией», связывающей Вашингтон с Москвой, а взбавок подводят к западному побережью Штатов свои подводные корабли и выпускают с них серию ракет, дабы американские радарщики решили, что это снаряды, летящие с азиатского побережья России. Задумка удается, но гибель оказывается почти тотальной; жертвой становится и Китай, и все человечество, поскольку вторым этапом двусторонних атак является бактериологическое оружие: кто не погиб от радиации, тот гибнет от эпидемии. Любопытно, что послевоенная ситуация в изображении американского писателя практически аналогична в обоих романах. Правда, в «Докторе Стрейнджлаве» о ней лишь упоминают в Военной Комнате подземелий американской Главной Квартиры, а в «Красном телефоне» уже видна реализация послевоенных планов. Создается некая разновидность военной, типично кастовой диктатуры, в которой ведущая роль принадлежит военным, возникает сильная вертикальная сегрегация переживших войну людей, сверх того вводится обязательная регламентация и выделение определенного числа женщин, в основном для нужд властной элиты. В «Докторе Стрейнджлаве», в котором местами проскальзы-

¹ United States Air Force — Военно-воздушные силы США (англ.).

² Strategic Air Command — Стратегическое авиационное командование (англ.).

вает гротеск, Стрейнджлав в тот момент, когда мир уже рушится, сообщает (уже находясь в подземелье), что выжившие спустятся в убежища и шахты, дабы переждать самое худшее время выпадения радиоактивных дождей после взрывов, прихватив с собой по десятку женщин на каждого мужчину, что политически очень важно, поскольку, как подсказывает ему генерал Тергидсон, неизбежно возникает новый вид соперничества между Востоком и Западом, при котором каждая сторона в своем убежище будет стремиться размножиться как можно быстрее и интенсивнее, а доктор Стрейнджлав, разделяя сию справедливую точку зрения, рекомендует брать в шахты женщин, выбираемых *for their sexual characteristics, which will have to be of a high stimulating order*¹. Собственно, чем-то абсолютно подобным заканчивается и «Красный телефон», с той лишь разницей, что это-то произведение гротескным уж никак не назовешь (и именно потому, вообще говоря, гораздо более слабое). Невил Шют в «На последнем берегу» (экранизованном и демонстрировавшемся у нас в Польше) через разговоры героев показывает следующий ход событий, ставших детонатором гибели:

— Самую первую бомбу сбросили на Неаполь. Это, конечно, устроили албанцы. Потом бомбили Тель-Авив. Никто не знает, чьих это рук дело, я, во всяком случае, не слышал. Затем вмешались англичане и американцы, весьма внушительно пролетели над Каиром. На другой же день египтяне подняли в воздух все свои уцелевшие бомбардировщики — шесть на Вашингтон и семь на Лондон. К Вашингтону прорвался один, к Лондону два. После этого почти никого из британских и американских государственных мужей не осталось в живых.

Дуайт кивнул.

— Самолеты были русские, и я слышал, что на них были русские опознавательные знаки. Вполне возможная вещь.

— Боже милостивый! — воскликнул австралиец. — И поэтому мы бомбили Россию?

— Совершенно верно, — горько сказал капитан Тауэрс. [...]

¹ По их сексуальным характеристикам, которые будут играть важную стимулирующую роль (англ.).

— Беда в том, что эта мерзость слишком подешевела, — сказал ученый. — Под конец чистойшая урановая бомба обходилась примерно в пятьдесят тысяч фунтов. /.../

— Ну, и тут пошла война между Россией и западными державами, — негромко подытожил Питер. — А когда же вмешался Китай?

— Наверяд ли кто-нибудь знает точно, — сказал капитан. — Но, думаю, Китай сразу же пустил в ход против России и ракеты и радиацию. Наверно, они не знали, насколько русские готовы к радиологической войне против Китая. /.../ Мир взорвали не великие державы. Во всем виноваты малые. Безответственные¹.

Следует заметить, что такая последовательность событий, довольно странно звучащая (если учесть, что Шют писал книгу пятнадцать лет назад), гораздо более «веристична» по вероятностному раскладу, чем многие атомно-военные сценарии Г. Кана, который создавал их, работая, например, над «On Termonuclear War» примерно в тот же период времени. Сказанное не значит, якобы Шют был не худшим футурологом, чем Кан. Скорее как раз Кана можно считать фантастом в стиле Шюта.

Романы Джорджа относятся ко второму поколению в Science Fiction, из рядов которой они, кстати, выбились в том смысле, что ни в Штатах, ни во Франции, например, их вначале не публиковали издательские дома — монополисты на рынке Science Fiction. Видимо, сочли тематику вполне «реалистичной» (это тем более знаменательно, что книг, несущих на обложке надпечатку «SF», очень многие люди *a priori* в руки не берут, поэтому выпуск в свет такого произведения другим издателем автоматически повышает шансы того, что оно разойдется именно в тех кругах общества, которые, как правило, фантастики не читают).

Невил Шют, известный в Польше автор (например, у нас был издан его «Реквием для девушки»), своим «На последнем берегу» вошел в SF на правах исключения. Его роман о медленной кончине Австралии, над которой растягивается купол радиоактивной смерти, поскольку пассаты во время сезонных изменений климата систематически захватывают и гонят к Южному полюсу радиоак-

¹ Перевод Норы Галь.